

БЕЛОПОВСТАНЦЫ

КНИГА ВТОРАЯ

БОРЬБА БЕЛЫХ
ПОВСТАНЧЕСКИХ ОТРЯДОВ
НА АМУРСКОЙ
ГРАНИЦЕ

БОРИС ФИЦМОНОВ

УЧАСТНИК СОБЫТИЙ, ОФИЦЕР-АРТИЛЛЕРИСТ

Борис Филимонов

**Белоповстанцы. Книга 2.
Борьба белых повстанческих
отрядов на амурской границе**

«Центрполиграф»

1932–1933

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

Филимонов Б. Б.

Белоповстанцы. Книга 2. Борьба белых повстанческих отрядов на амурской границе / Б. Б. Филимонов — «Центрполиграф», 1932–1933

ISBN 978-5-9524-6031-7

Вторая книга Бориса Филимонова рассматривает борьбу белоповстанческой армии с частями Народно-революционной армии на восточной границе Амурской области. Автор дает представление о силах сторон, старается беспристрастно дать правдивую картину упорного противостояния большевиков и Приамурского Временного правительства Белого движения в Гражданской войне. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-9524-6031-7

© Филимонов Б. Б., 1932–1933
© Центрполиграф, 1932–1933

Содержание

Предисловие	7
I	8
II	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Борис Филимонов

Белоповстанцы. Книга 2.

Борьба белых повстанческих отрядов на амурской границе

*В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падающим строем свежий строй
Штыки смыкает...*

А.С. Пушкин. Полтава

*Посвящается памяти русских воинов, за Веру и Отчизну живот
свой положивших*

Борис Филимонов
Участник событий, офицер-артиллерист

БЕЛОПОВСТАНЦЫ

КНИГА ВТОРАЯ

Хабаровский поход
1921-1922 гг.

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Художественное оформление, ЗАО «Центрополиграф», 2023
© ЗАО «Центрополиграф», 2023

Предисловие

В моей первой книге о белоповстанцах были даны общие сведения о состоянии вооруженных сил белых и красных на Дальнем Востоке и описывался первый период так называемого Хабаровского похода – очищение Приморья от красных партизанских отрядов частями войск Временного Приамурского правительства и наступление последних на север, на Хабаровск, который был занят белоповстанцами поздно вечером 22 декабря 1921 г.

Данная книга рассматривает следующий период – борьбу белых повстанческих отрядов с частями Народно-революционной армии на восточной границе Амурской области, но материал обработан так, что дает полное и вполне законченное представление как о силах сторон, так и о ходе борьбы за это время (с 25 декабря 1921 г. по 13 января 1922 г.).

В заключение еще раз считаю нужным повторить, что, работая над составлением описания похода, стремился по возможности обосноваться на документах и дать беспристрастно правдивую и полную картину минувшего, дабы запечатлеть былую беззаветную доблесть русских войск.

Всем лицам, так или иначе содействовавшим мне в моей работе путем сбора или дачи сведений, их проверки, обработки, приношу свою искреннюю и глубокую благодарность.

28 января 1933 г., г. Шанхай

I

Общее положение дела борьбы белых с красными к началу 1922 г

Общий ход борьбы. – Положение в России. – Положение на Дальнем Востоке. – Приморский противобольшевистский центр. – Общее положение в тылу белоповстанцев. – Казачий круг в Гродекове. – Агитация белых среди населения. – Меркуловы и общественность. – Белоповстанцы и население. – Задачи белых на 1922 г. – Красное командование и население. – Выводы

Для дела борьбы с большевиками весна и лето 1918 г. были благоприятны. В ненависти к Совету народных комиссаров, желании свалить его во что бы то ни стало сошлись все существовавшие в то время партии и группы. В массах населения к большевикам стали уже относиться не только с равнодушием, но во многих местностях с едва скрываемым недоброжелательством и даже открытой враждебностью. Опора советского правительства – Красная гвардия к этому времени уже развалилась, а русские отряды только что создаваемой Красной армии также не представляли собой серьезной силы. Работа эсеров и иных групп, действовавших в молчаливом согласии друг с другом, привела к ряду восстаний. Выступление чехословаков обеспечило успех этих восстаний и способствовало быстрому освобождению от большевиков обширных территорий к востоку от Волги. Но полного успеха противобольшевики в этом году не достигли. Много причин было тому, главнейшие же из них следующие:

1. Поддержка, оказанная большевистским властям отрядами латышей, китайцев и военнопленных немцев и мадьяр. Эти отряды спасли власть Совета народных комиссаров, раздав восставших в Ярославле, Муроме и других местах, не успевших сколотить достаточной численности крепких воинских частей и не получивших своевременной поддержки от чехословаков.

2. Отсутствие не только полного соединения, но просто единения и даже согласованности в действиях различных противобольшевистских правительств и групп. Больше того, в среде этих правительств наблюдалось стремление к обособлению и даже вражде друг с другом.

3. Неправильное решение основной задачи: вместо похода на Москву противобольшевики занялись восстановлением Восточного противогерманского фронта по Волге. Следует между прочим отметить, что захват белыми в Казани всего золотого запаса Российского государства, которыми обеспечивалась на будущее время материальная независимость противобольшевистов от тех или иных союзников, должен был оказать свое влияние на ход дальнейшей борьбы.

После того как лето и осень 1918 г. не дали решительной победы той или иной стороне, и белые, и красные должны были использовать наступившую зиму для подготовки к новой и решительной схватке весной 1919 г. Но в то время как большевики, разрешая вопросы практически, создали многочисленные русские части Красной армии, а возвращение бывших русских военнопленных из Германии и Австрии использовали в целях просачивания в тыл белых своих эмиссаров и агитаторов, противобольшевики непроизводительно потратили драгоценное время на принципиальное разрешение ряда вопросов, ничего не разрешили, и, хотя в конце концов и была создана единая власть, тем не менее действительного объединения не состоялось, ибо между эсерами и этой новой властью загорелась борьба не на жизнь, а на смерть. Ряд ошибок чисто военных: организационного, стратегического и тактического свойства, совершенных белым командованием, прибавился к многочисленным политическим и административным ошибкам белых властей. В результате все успехи белых, одержанные ими весной и

летом 1919 г., были сведены на нет и к концу этого года налицо были крупные и повсеместные успехи красных над белыми: Белая Северо-Западная армия была оттеснена в Эстонию, остальные белые армии были в отступлении и преследовались красными. Тяжело и ужасно было отступление на восток армий адмирала Колчака. Дикая, непроходимая щеголовская и мариинская тайга могла и должна была остановить дальнейшие успехи красных, дать время белым оправиться и изготовиться к бою. Но вместо того, чтобы спасти, тайга погубила Белую армию. Удар за ударом несла судьба Белой армии: тайга и Красноярск поглотили живую силу белых, «нейтралитет» генерала Жанена и чехословаков лишили белых правителя и казны – они были переданы красным.

Весь 1920 г. прошел под флагом ликвидации белых фронтов. В самом начале года распался Северный фронт белых, остатки Добровольческой армии держались лишь в Крыму, совсем незначительные остатки армий Восточного фронта держались в Забайкалье благодаря присутствию японцев. В ноябре месяце того же года красные овладели Крымом и Забайкальем и заключили с Польшей мирный договор. Налицо была полная победа красных. Белые фронты исчезли, национальный флаг перестал развеиваться на русской территории, но спокойствия не было в Стране Советов: недовольство властью разливалось все шире и шире, во многих местах замечалось брожение, то тут, то там вспыхивали мелкие восстания, развивалась партизанщина: зеленые на Кавказе и Крыму, махновщина на Украине, антоновщина в Тамбовской губернии и т. д.

В феврале 1921 г. в Петрограде вспыхнула забастовка. На подавление этого движения были двинуты курсанты с пулеметами. Но моряки заступились за рабочих – события в Петрограде перекинулись в Кронштадт. Там вспыхнуло восстание. Была брошена угроза: «Мы начали революцию, мы ее и кончим...» В марте того же года в потоках крови красные задавили это восстание, но... в конце мая национальный флаг взвился в южной части Приморья, а еще через месяц отряды барона Унгерна появились на границе Монголии и стали угрожать Иркутску и Верхнеудинску... Жестокость, несправедливость, произвол представителей советской власти, всеобщее разорение поднимали население. Тяжесть положения русского народа под властью коммунистов не подлежала сомнению. Борьба с красным интернационалом, заглушенная к началу 1920 г., начинала вновь разгораться. Летом 1921 г. восстание генерала Белова охватило значительные районы Западной Сибири. В октябре все того же 1921 г. был захвачен белыми Петропавловск на Камчатке. В Сибири глухо волновались бывшие красные партизаны, сражавшиеся против войск адмирала Колчака. В Бухаре и Карелии вспыхнули большие восстания, которые к началу 1922 г. все еще не были подавлены. Белоповстанцы в Приморье, разбив красные части, захватили г. Хабаровск и, вооружившись за счет противника, к началу нового года стояли на границе Амурской области... Ко всем этим бедам большевиков должно прибавить еще одну – страшный голод, посетивший Поволжье и унесший осенью 1921 г. от 10 до 15 миллионов человеческих жизней (по советским источникам, 5 миллионов).

Таким образом, наступающий 1922 г. мог оказаться годом перелома в борьбе белых с красными. Он мог принести победу первым. Действительно, горючего материала было достаточно, нужны были только искра и ветер, чтобы вся страна вновь запылала в огне Гражданской войны.

Учитывая обстановку, складывающуюся неблагоприятно для Советов, Ленин не стал стесняться с программой своей партии и ради разрешения насущных и неотложных потребностей объявил о введении НЭПа. Официально было объявлено, что НЭП есть не что иное, как временная остановка, передышка на путях к социализму, временный переход к обороне, дабы, собравшись с силами, еще смелее и быстрее двигаться вперед. Во все эти далекие предположения большевиков российские граждане верили мало: «Пусть говорят большевики что хотят, жизнь взяла свое, и они должны ей подчиниться, должны эволюционировать». НЭП был

введен осенью 1921 г., и влияние его стало отзываться если не сразу, то довольно быстро. На рынке появились доселе лежавшие без движения, припрятанные продукты и товары, торговля увеличивалась, страна оживлялась. Уставшее после семи с лишним лет войны полуголодное и голодное население первым делом постаралось забыть о минувших своих горестях, забыть о своем разорении и подкормиться. Вопрос желудка стоял на первом месте, и политические вопросы невольно отодвигались на задний план, тем более что в возможность введения социализма не верили, разглагольствованию большевиков не придавали особого значения, всем казалось вполне ясным, что большевики заврались окончательно и говорят о своей программе ради одного только приличия. Правда, многие были ими недовольны, кое-кто возмущался, кое-где вспыхивали восстания, но огромные массы русского народа уже не поднимутся против Совета народных комиссаров. Можно много говорить, разбираясь в причинах сего, но, бесспорно, главнейшей из них будет уступчивость и покорность судьбе, так свойственная русскому человеку. И не столько высокие рассуждения на тему о том, что даст борьба с большевиками, рассуждения, не способные открыть светлых горизонтов, сколь знаменитое русское: «Ничаво, Бог не выдаст, свинья не съест» поставило большой вопросительный знак над делом воскресения национальной России. Впрочем, что действительно могло означать падение большевиков? Новую борьбу между разными, друг другу враждебными партиями? Быть может, новые годы гражданской войны и полного обнищания? И на фоне массы разнообразных партий, от крайних правых до крайних левых, ненавидящих и готовых наброситься на большевиков, а затем друг на друга, НЭП показался заманчивым. Русскому человеку захотелось пожить спокойно и тихо. НЭПу он поверил в надежде на постепенное улучшение жизненных условий, восстановление нормальных порядков государственного устройства, в надежде на изменение самих большевиков.

На Дальнем Востоке обстановка сложилась несколько отлично от остальных частей России. Голода здесь не было, большевистских порядков с выколачиванием хлеба, карательными отрядами и прочими прелестями население не испытало. Поэтому введение НЭПа здесь не могло оказать существенного влияния на направление умов граждан ДВР. Тем не менее даже поверхностное, но более близкое знакомство со смягченными советскими порядками успело отшатнуть к описываемому времени население края от большевиков. Не помогло последним и их выступление в роли защитников национальных интересов русского народа. Несмотря на то что местное русское население боялось и ненавидело японцев, поход Белой армии на север, к Хабаровску, скорее протекал при тайном и явном сочувствии большинства населения к белоповстанцам, и недоброжелательства к себе Белая армия, в общем, не вызвала. Симпатии к большевикам наблюдались только в некоторых районах южной части Приморской области, еще ни разу не видевших «настоящих» большевиков и не испытавших «настоящих» советских порядков; да красные партизаны, явление искусственно поддерживаемое большевиками, нарушали порядок в тылу белых, но это движение должно было постепенно сойти на нет само собой по мере успехов белых на фронте и установления должного и твердого порядка в тылу.

Что же представлял собою белый лагерь? Что было в тылу белоповстанцев? Раздоры и разделение на многое множество партий и групп в белом лагере не прекратились и после страшных поражений 1919–1920 гг. Они, видимо, ничему не научились, и дальнейшее дробление на еще меньшие группы наблюдалось в их стане, между тем как примеры объединения в более крупные группы являлись единичными.

В конце мая 1921 г. власть во Владивостокском районе из рук красного краевого правительства перешла к Временному Приамурскому правительству, члены которого были выбраны Советом несоциалистического съезда {Руднев С.П. При вечерних огнях. С. 372}. Правительство, его исполнительный орган – Совет управляющих ведомствами, Нарсоб (Народное собра-

ние), Совет несоциалистического съезда, и без того представлявшие сложную и громоздкую правящую машину для маленького клочка русской территории – машину, дававшую много трений и недоразумений, к концу 1921 г. запутали в сложном клубке интриг, личных интересов, партийных и групповых счетов... В белом Приморье не оказалось лица государственного размаха, умеющего всех объединить, успокоить, примирить и направить каждого в нужном направлении. Не оказалось также и сильной группы, разумной и хорошо сплоченной, могущей взять роль руководящей политической силы. Несосъезд оказался слабым и расползался. Глава правительства С.Д. Меркулов был, несомненно, человек с выдающейся волей, но у него оказалось слишком много недостатков, и он сумел вооружить всех против себя. Вот что повествует о нем С.П. Руднев в своей книге: «Много людей перевидал я за свою жизнь, но я не припомню теперь другого, кто бы обладал такой настойчивостью и упрямством. Это был, несомненно, человек с выдающейся волей. Если бы в Пскове или Петрограде была проявлена хоть десятая доля такого упрямства и воли, какой обладал С.Д. Меркулов, – то русская жизнь текла бы ныне по-другому. Такая сила воли у главы Приморского правительства, при хроническом и роковом отсутствии у вождей Белого движения сильных волевых людей, – мной чрезвычайно ценилась и была той крепкой нитью, которой я привязался к С.Д. Меркулову при всех его больших недостатках и, может быть, даже пороках. Главнейшим его недостатком были: постоянная неискренность, подозрительность и грубая, часто ничем не вызываемая, хитрость: отсюда – систематическая, раздражающая ложь и лицемерие. Кроме того, самодурство, чисто кабановское, было у братьев Меркуловых, и нежелание быть меньше, чем Меркуловы, – обуяло других. Немалую роль играло здесь, несомненно, и то, что „барской барыне“ никогда не простит дворня того, что перенесет от настоящей».

Разложение наверху не могло внушить доверия массам. Отсюда равнодушие или даже полное недоверие в населении к происходящей борьбе с большевиками. Немало содействовали этому и общая усталость от годов войны, понижение чувства любви к Родине и та черта русского человека, о коей говорилось уже выше. В.Г. Болдырев, рисуя общее положение в области после своей поездки в Хабаровск, в составе комиссии, высланной Нарсобом в освобожденный от коммунистов край, заносит в свой дневник: «На всем 700-верстном протяжении лишь в двух-трех местах самые незначительные проблески промышленной жизни и то исключительно в районах, где находятся еще японцы». (Иными словами, тех районах, которые не испытали на себе даже «смягченных» московских порядков и которые с самого начала революции жили более или менее нормальной жизнью, имея постоянные сношения с границей.) «Население, – продолжает В.Г. Болдырев, – чрезвычайно нуждающееся в наличии твердой валюты, отдает им за бесценок и труд и сырье. В районах, только что занятых белоповстанцами, наблюдается почти полное бестоварье, вследствие отсутствия подвоза. Также ощущается прошлогодний неурожай. Острый недостаток таких необходимых продуктов, как соль. Износ или полное отсутствие сельскохозяйственных орудий. В городах и поселках вся торговля в руках китайцев, которые тем не менее тоже жалуются на плохие дела. „А что было до прихода белоповстанцев?“ – „Да тогда совсем ничего не было“. Кооперативные организации, потребительские общества все разрушены, почти не осталось следов и земских учреждений. Медицинская помощь еле существует, между тем везде признаки тифозных заболеваний. Сохранившиеся больницы переполнены больными и работой. Все медицинские, фельдшерские и ветеринарные пункты находятся в чрезвычайно тяжелых условиях и в смысле персонала, и в смысле медикаментов».

«Население, – говорит далее В.Г. Болдырев, – как выразился один из хабаровцев, переживает „тихую радость освобождения“⁴, но не проявляет боевого энтузиазма. Действительно, положение населения этой полосы, привыкшего к былому приволью, было тяжким, оно ничего не могло получить из заблокированной, разоренной советской России, не получало товаров и

из богато снабженного Владивостока, отгороженного фронтом Гражданской войны. Проникавшие через китайцев товары требовали соответствующей валюты. Следует отметить также, что на фоне апатии, неуверенности в завтрашнем дне заметно, что многие, в том числе и железнодорожники, ликуют, но главным образом из-за перехода от коммунистического пайка к жалованью – денег давно уже не видели».

26 декабря в Гродеково открылся очередной круг Уссурийского казачьего войска. Свои впечатления о нем В.Г. Болдырев передает так: «Фронт требовал подкреплений, но ни вооруженные группы семеновской ориентации, ни уссурийское казачество этого подкрепления не давали. У последних (казаков-уссурийцев) в Гродеково для решения своих вопросов, в том числе и вопроса о вооруженной поддержке похода на Север, созывался очередной казачий круг. Меркуловым надо было удержать казаков на своей стороне: их фракция в Нарсобре еще кое-как обеспечивала хотя и ничтожное большинство, а главное – они нужны были для закрепления боевых успехов. В Гродеково с этой целью должен был поехать Н. Меркулов; туда же послали свои делегации Нарсоб и Совет несоциалистического съезда. На открытие круга собралось более пятидесяти делегатов. Северные округа, охваченные гражданской борьбой, запоздали с присылкой своих представителей. Председатель, войсковой атаман Савицкий, открыл заседание, очертил будущую работу круга и предложил заслушать приветствия. Первым говорил довольно долго и толково Меркулов. Он охарактеризовал работу правительства, создавшееся, в связи с началом военных действий, настоящее положение и энергично звал казаков к поддержке». В.Г. Болдырев выступил от имени президиума Нарсобра. «Были приветствия от армии, от совета съезда казачьих войск, от крестьянской фракции Нарсоба и т. д. Все речи горячо принимались, хотя вообще круг производил впечатление или сдержанности, или неловкости, непривычных к большому залу делегатов. Чувствовалось, что мысли съехавшихся казаков не здесь, а там, где гремят уже пушки и льется кровь. Надо было оформить свое отношение к начавшейся войне. Они имели уже большой опыт и хорошо учитывали его последствия. Красные, белые, партизаны, хунхузы, все в той или иной степени ослабляли и разрушали их хозяйственную мощь, требовали материальных и личных жертв. Они аплодировали призыву правительства, но в то же время жадно ловили намеки на возможность мира и соглашения. Особого порыва, во всяком случае, не было».

При движении на север белые сделали ставку на население, на действенную помощь его живой силой. Дабы привлечь симпатии населения, а также ввиду известного соглашения японского командования с ДВР, стеснявшего свободу действий русских вооруженных сил в Южном Приморье, белые власти должны были если не изменить, то, во всяком случае, подновить знамя белой борьбы, сделать его близким и приемлемым для широких масс населения. В результате появились «белые повстанцы». Под этим именем шли на север остатки бывших армий Восточного противобольшевистского фронта, сыны далеких Приморью краев, чины войск Временного Приамурского правительства – 3-й стрелковый корпус и части, приданные ему. Для привлечения на свою сторону населения и поднятия его на вооруженную борьбу с ДВР белыми были выкинута лозунги: «Белые повстанцы идут, чтобы освободить крестьян от красных разбойников», «Для белых выше всего – воля народа», «Ничто не будет братья от населения силою: ни мобилизованных, ни подвод, ни хлеба, ни имущества», «Довольно терпеть дольше лжецов и насильников-комиссаров, им не место среди честных рабочих людей», «Долой комиссаров, да здравствует свободная воля, да здравствует власть трудового народа», «Долой грабителей, прочь руки от крестьянского имущества», «Довольно войны, довольно грабежей и безобразий, все по домам, все за работу», «Крестьяне, отзовите ваших сыновей из красных партизанских отрядов, мы, каппелевцы, не тронем ни одного партизана, вернувшегося к мирному труду», «Белоповстанцы никого не обижают, никого не мобилизуют, а всех перешедших

к ним красноармейцев и партизан с миром отпускают по домам», «Да здравствует Всероссийское национальное учредительное собрание», «С народом за свободу и счастье народа». Временное правительство обещало «не допустить ни анархии, ни атаманщины». Воззвания, а главным образом поведение белых частей и чинов делали свое дело – осторожно встретившее пришельцев население стало очень скоро относиться к ним с симпатией, но своих сыновей до поры до времени не посылало добровольцами в белые части. Тогда в воззваниях наряду с вышеперечисленными фразами появились новые: «Станем дружно вместе с белоповстанцами на защиту нашей худобы», «Не дадим своих лошадей и смертным боем будем бить тех, кто их берет», «Неужели вы не поддержите белых повстанцев, которые уже нанесли могучий удар красным бандитам?», «Куй железо, пока горячо», «Крестьяне и казаки, пополняйте ряды белых повстанцев добровольно», «Вступайте добровольцами в ряды белых».

Но все эти воззвания и шумиха, поднятая в печати, без активных работников в среде населения, были малодейственны и шли на обертку. Шумиха оставалась только шумихой, а для действительного пополнения рядов действующей армии было сделано мало, еще меньше было сделано в деле ее снабжения всем необходимым в зимнюю пору. Не говоря уже о том, что из деятелей, усиленно подготовлявших майский переворот во Владивостоке, на словах много говоривших о спасении России, никто не взял в руки винтовки и не пошел на фронт, очень многие лица, искренне считавшие себя за белых, делали вид, а быть может, даже и считали, что вооруженная борьба с большевиками им не нужна, что эта борьба чуть ли не преступна, а что с коммунистами следует бороться как-то иначе... Уж не убеждениями ли? Как относилось население Владивостока к борьбе белых с красными, можно указать на следующий пример: во Владивостоке существовала странная организация: «Союз офицеров-грузчиков». Конечно, когда во Владивостоке сидел коммунист Антонов, от сильной нужды хорошо быть и грузчиком, но, когда братья по оружию находятся на фронте, тогда, казалось бы, офицер должен был бы пойти в ряды армии. Однако в армию не пошел ни один, но все предпочли остаться грузчиками. Этот факт весьма характерен и показателен, ибо дело тут не в том, что некоторые «офицеры-грузчики» были больше грузчиками, чем офицерами, и не пожелали менять своей профессии, и не в том, что другие имели свои личные или семейные причины не идти, а в том, что они все остались глухими к делу борьбы за Россию, им всем было безразлично, что творится вокруг.

Интересной и характерной фигурой для того времени является видный политический и общественный деятель белого Приморья С.П. Руднев, автор книги «При вечерних огнях». Его любовь к России и желание для нее потрудиться не подлежит сомнению. Но он типичный, выбитый из колеи интеллигент. Он гордится правительством, просуществовавшим под русским флагом более года, более других правительств, и не видит или не хочет видеть, что это было, собственно, с разрешения японцев, от желания коих в любую минуту этот флаг мог и спуститься. Руднев готов бороться за Россию, но только словами, добрыми пожеланиями, законодательными проектами. Говоря о своей работе в Омске, он сознается: «Да и вся-то работа в беженстве была, как подумаешь теперь, такой же никчемной и напрасной, а ведь тогда и думалось и верилось, что делаешь нужное и полезное дело». И тем не менее он и в Приморье, как и в Омске, продолжает эту «никчемную» работу и отдается ей целиком. А борьбу оружием, единственным убедительным средством, он называет авантюрой. Не всем, конечно, сражаться с оружием в руках, нужно работать кому-то и в тылу, но С.П. Руднев одно называет «никчемной», а другое «авантюрой». И таких было много, и все они одновременно и стремились к чему-то, и колебались, и верили, и сомневались, и готовы были на все, и боязливо останавливались перед препятствиями... Не то было у красных. Их вожди имели перед собой ясные цели. Они ошибались, делали многое впустую, переделывали вновь, но своей работы не называли «никчемной» и «авантюрой».

Теперь нужно несколько коснуться взаимоотношений, создавшихся к концу 1921 г., между правительством и Народным собранием. Обычно при победах на фронте стихают внутренние несогласия, оппозиция склоняется перед правительством, авторитет же последнего вырастает сам собой. В Приморье этого не случилось, и ко времени больших побед на фронте, захвата Хабаровска и ценной материальной боевой части во Владивостоке появился грозный признак внутренней неурядицы. Вместо подъема, большого сплочения, увеличения помощи армии, доказавшей свои боевые качества, между правительством и Нарсобом произошел разрыв. Следует отметить, что всего недели за две до этого, а именно 9 декабря, произошла полная ликвидация вражды Владивостока и Гродекова – оппозиционная гродековская группа, возглавляемая генерал-лейтенантом Глебовым, перешла в безоговорочное подчинение каппелевскому командованию.

В.Г. Болдырев в своем дневнике заносит:

«19 декабря»

Уходит премьер Иванов, вернее – его заставляют уйти из-за каких-то служебных недочетов. Проще говоря, у С. Меркулова нашелся более надежный и преданный кандидат».

К этим строкам дневника можно прибавить, что С.П. Руднев в своей книге В.Ф. Иванова именуется «любимцем Совета несоциалистического съезда». Таким образом, увольнение Иванова с поста премьера должно признать весьма знаменательным.

«22 декабря»

Идет разговор о мобилизации офицеров. Заключен заем, вернее ссуда, по которой правительство, по заключению Павловского (депутат Нарсоба), ничего не получит. В печати появилось интервью депутата правительственного большинства Подгорбунского, резко подчеркивающее зависимость правительства от Совета несоциалистического съезда. Я, да и многие другие из непосвященных, были удивлены серьезностью темы интервью со стороны более чем посредственного депутата Подгорбунского. Это, несомненно, какой-то ход, знаменующий появление опасной трещины между правительством, вернее, С. Меркуловым, решившим опираться исключительно на армию, и наиболее реакционную часть Несосов (прозвание Совета несоциалистического съезда), и правительственным большинством.

23 декабря»

На интервью депутата Подгорбунского последовал чрезвычайно резкий официальный ответ председателя правительства. Этот ответ и по форме и по содержанию – оплеуха правительственному большинству, роль которого, как роль Совета несосъезда, сводится этим документом к нулю. „Зачем же я вырывал камни из мостовой, чтобы ими швырять в Семенова? Не для того, конечно, что бы создать вместо него Меркулова“, – горячится депутат Оленин. „Мы их породили, мы и убьем“, – серьезное замечание спокойного, выдержанного Андрушкевича».

«В этот же день Нарсоб, вопреки желанию правительства, постановил прервать сессию для рождественского ваката, чтобы этим дать возможность иногородним и крестьянским членам ехать домой и там агитировать против бр. Меркуловых, и чтобы делегация Нарсоба, во главе с генералом Болдыревым, могла бы съездить в Хабаровск, разузнать, что там делается и каковы намерения каппелевского командования», – пишет С.П. Руднев в своей книге. Упоминание об этом в своем дневнике, В.Г. Болдырев заносит под 24 декабря:

«Сегодня зачитан весьма резкий протест Совета казачьего съезда, как ответ на вызов, брошенный вчерашним официальным сообщением правительства большинству Нарсоба. Кроме того, принято пожелание Народного собрания о скорейшем созыве Учредительного съезда для выборов новой постоянной власти, вместо настоящей – временной. Протест и пожелание, выдвинутые доселе верным правительству большинством, произвели огромное впечатление. Аплодисменты всего зала. Настроение напряженное. Еще удар по правительству: избирается „комиссия для приветствия населения в местностях, освобожденных от коммунистов“, – это глаз на север».

Что прибавить к данным выпискам? Разве только одно, что так начался новый раскол в противобольшевистском центре...

О взаимоотношениях белоповстанческих частей и населения, прежде подвластного ДВР, говорилось отчасти уже в первой книге «Белоповстанцы». Следует подчеркнуть, что, как совершенно справедливо отмечает Генерального штаба полковник Ефимов, обычно у противобольшевиков на отношение к населению обращалось мало внимания и считалось, что военные успехи решают судьбу борьбы. Белые завоевывали территорию, немую и безучастную к политическим страстям, и не стремились «завоевать» население, привлечь его на свою сторону, и за это им пришлось тяжело расплачиваться. Приказы генерала Молчанова, один отданный 5 декабря в г. Имане, другой от 11 декабря, отданный в поселке Георгиевском, дают ясное представление о той линии поведения в отношении населения, которую избрал генерал Молчанов и которая неукоснительно проводилась подчиненными ему войсками. В результате население, относившееся к ранее действовавшим здесь белым частям недружелюбно и даже враждебно, встретило на сей раз белых очень хорошо. Отчасти этому, конечно, способствовало знакомство населения с советскими порядками, когда время громких слов и заманчивых обещаний ушло, а пришла мрачная действительность. Население освобожденных от большевиков частей Приморья, не будучи уверенным в исходе борьбы, опасалось еще открыто присоединиться к белоповстанцам, но в массе своей, сочувствуя белым, помогало им чем могло и с большим напряжением следило за ходом борьбы на фронте.

О всей помощи, которую оказало население белым войсковым частям, рассказать полностью невозможно. Надо было самому быть в рядах белоповстанческих полков, чтоб видеть и чувствовать, как оно относилось к белым бойцам. Тут были не только сведения о месторасположении красных застав, переходах красных колонн, их численности, даже намерениях и иных данных о противнике. Население помогало связываться белым колоннам со своими, спешило накормить и обогреть белых бойцов, радостно делилось с ними куском своего насущного хлеба. Казаки, крестьяне, железнодорожники приветливо встречали белоповстанцев и всячески шли им навстречу. Между прочим, полковник Ефимов отмечает, что через жителей генерал Молчанов получал сведения о ходе дел с переправой красных через Амур у г. Хабаровска. Через жителей же генерал Молчанов передал главному инженеру переправы, что он его расстреляет, если переправа будет сделана. Это «обещание» своевременно дошло по назначению, о чем главный инженер лично и доложил генералу Молчанову по занятии Хабаровска белоповстанцами. Следует так же отметить, что одна из волостей (В...) под Хабаровском постановила полностью выполнять все наряды на подводы для «белоповстанческой армии» и действительно точно выполняла это обязательство по первому требованию белого командования, даже во время отступления белых. В постановлении этой волости говорилось также, что волость признает генерала Молчанова за власть и будет ему подчиняться, но владивостокского правительства, его законов и указов не признает и исполнять не будет. Почему же население так сердечно отнеслось к белоповстанцам? Освобождение от тягот советского режима не может еще привести к тому, чтобы население всей душой своей повернулось к неведомым пришельцам. Поведение белых войск было тем двигателем, что расположило население к ним. Вот тому один из многих примеров: после захвата ижевцами у разъезда Гедикэ (район ст. Котиково) в плен красной конной заставы начальник последней, будучи отпущенным с остальными пленными народоармейцами на все четыре стороны, обратился к начальнику 3-й колонны белоповстанцев с просьбой о выдаче ему его лошади, его собственной, им самим выкормленной. Лошадь всегда считается трофеем, но полковник Ефимов снизошел к его усиленным просьбам и приказал отдать ему его лошадь. Представьте теперь, какое впечатление произвело на его односельчан появление в родном селе (В...) бывшего красноармейца, отпущенного из плена на свободу, да

еще с лошадьё? Картина эта была для Гражданской войны необычайна и потому впечатление произвела сильное. И потому нет ничего удивительного в том, что население этого села встретило пришедших туда через некоторое время ижевцев как друзей, вдоволь угощало их и даже охраняло от партизан, предупреждая белых о движении последних. Конечно, впоследствии, если бы борьба с красными развилась, из этого села белые, несомненно, получили бы добровольцев и смогли бы произвести успешную мобилизацию.

Порядок в Белой армии, отсутствие обид, уплата за продукты и подводы расположили деревню к белоповстанцам, что было чрезвычайно невыгодно красным. По занятии белыми Хабаровска чины японской миссии рассказывали генералу Молчанову о той тревоге, которая охватила красного командующего, тов. Серышева, «когда ему доложили о перехваченном разговоре генерала Молчанова из Имана с генералом Вержбицким. Генерал Молчанов просил дать ему право утверждать смертные приговоры полевых судов над мародерами, насильниками и т. д. Поводом к этому разговору послужило следующее дело: на Имане фельдфебель одного из белоповстанческих полков продал китайцу на снос железную крышу... За это дело оба они были расстреляны. Об этом эпизоде был разговор у тов. Серышева с членами японской миссии в Хабаровске. «Разве вы недовольны?» – спросили японцы. «Да, это нам не на руку, – последовал ответ. – Генерал Молчанов идет с новыми методами борьбы, и нам будет труднее с ним бороться». Тов. Серышев оказался опытным политиком, он быстро оценил значение перехваченного разговора и, в свою очередь, отдал приказ о расстреле всех мародеров. Но, как это всегда бывает, слава бежала впереди армии, и красная пропаганда не могла вызвать в населении враждебные выступления к белым.

Подводя итоги этой стороне похода, надо признать, что Белая армия сделала все возможное, не только в боевом отношении, но и подготовила дальнейшую борьбу в моральном и политическом отношении, показав себя населению с лучшей стороны, заручившись его симпатиями и некоторыми видами помощи и этим самым сделав возможным в дальнейшем привлечение населения освобожденных районов к активной борьбе с красными. Следует отметить, что возможность платить за все была дана Временным Приамурским правительством, предоставившим армии определенные средства, но у многих видных чинов белоповстанческой армии вызывал сомнения вопрос: «Дано ли все возможное?» На этот вопрос ответ был дан отчасти раньше, отчасти будет дан в дальнейшем.

Какие же задачи ставили себе руководители белого движения в Приморье? Какими путями намеревались они их проводить? В дневнике В.Г. Болдырева находим несколько строк, но строк весьма характерных. Возвращаясь с казачьего круга в Гродекове, Н.Д. Меркулов беседовал в поезде с В.Г. Болдыревым. «Между прочим Н. Меркулов не скрывал некоторого уклона в сторону Америки, откуда будто бы имеются сведения, что вся территория до Хабаровска включительно будет закреплена за их правительством (Временное Приамурское правительство) и что есть предположение направить сюда (Приморье) всех, ныне находящихся на попечении Франции, русских беженцев. Слушая проекты о грядущей судьбе Приморья, за время остановки в Никольске, я (Болдырев) все время наблюдал за деловитой, спокойной работой японских солдат. Они разгружали эшелон с оружейными патронами и чувствовали себя хозяевами».

Как уже неоднократно впереди указывалось, что в целях успешной борьбы с коммунистами белым необходимо было: 1) полное объединение политических групп и партий, борющихся с большевиками, 2) добыча материальных средств, дабы снабдить и обеспечить армию и население всем необходимым. И о том и о другом уже говорилось выше, и то и другое не давало больших надежд на ближайшее будущее. Между тем, двинув войска на Хабаровск, белые не могли рассчитывать, что после захвата г. Хабаровска они могут почить от дел своих на лаврах. Ни белые с красными, ни красные с белыми не могли примириться. Борьба шла не на жизнь,

а на смерть. Надежд на заключение какого-либо мирного трактата быть не могло. Поэтому белое командование после захвата г. Хабаровска могло ставить одну из двух задач: 1) продолжать наступление в Амурскую область, ставя очередной целью захват Благовещенска, или же 2) временно остановиться для пополнения рядов, увеличения запасов и выжидания более подходящей обстановки для дальнейшего движения вперед. В случае более длительного перехода к обороне и значительного усиления противника Белой армии необходимо было удержаться на левом берегу Амура до вскрытия этой реки, после чего, используя эту мощную преграду, готовиться к осенней или зимней кампании, уничтожив за время отдыха партизанские отряды в своем тылу и вниз по Амуру. Наличие взятой и исправленной флотилии, базирующейся на реке Уссури, давало возможность держать белым всю оборонительную линию реки Амура от пос. Казакевичево до устья, и, если было бы признано желательным, помогло бы белым удерживать плацдарм (тет-де-пон) на левом берегу Амура для облегчения перехода в наступление до зимы. Как наступательная, так и оборонительная задачи Белой армии требовали от правительства и всех белых громадной, неустанной творческой работы. Нужно было пополнить поредевшие белые отряды, довести численность их до состава Народно-революционной армии, обеспечить всем необходимым. Белым отрядам удалось добыть себе оружие (артиллерию целиком и большую часть пулеметов) и огнеприпасы (в том числе 2 миллиона патронов), но надеяться в будущем пополнять нужды одними только трофеями было неразумно, особенно при переходе к обороне. Нельзя забывать, что успехи большевиков были основаны не только на темных инстинктах массы, обманах и подлостях, но и на бешеной энергии их партийных органов и отдельных членов, дисциплине и больших организаторских способностях. Ту же дисциплинированность и организованность, даже в больших размерах, должны были проявить белоповстанцы, весь белый лагерь. Между тем на север двигалась только боевая часть Белой армии, возглавлявшаяся командиром 3-го стрелкового корпуса генерал-майором Молчановым и его штабом. В результате белоповстанцы испытывали недостаток не только в средствах, но и в людях. Действующей армии нужны были не только рядовые бойцы, но и строевые начальники и администраторы. Недостаток в двух последних категориях стал особенно ощутителен после занятия белыми такого большого центра, как Хабаровск. Руководство боевыми операциями на фронте, налаживание жизни большого города, налаживание связи с тылом, привлечение симпатий населения, понуждение его к сотрудничеству с армией и т. д. и т. д. – все это тяжелым бременем легло на двух человек – на генерала Молчанова и его ближайшего и незаменимого помощника – начальника штаба Генерального штаба полковника Ловцевича. Они положительно сбились с ног, не хватало времени...

Как реагировало красное командование на шаги белых, предпринятые в отношении населения? О приказе тов. Серышева о расстреле мародеров и насильников, изданном после того, как красные узнали о подобном решении генерала Молчанова, уже говорилось. Необходимо также отметить другую меру, предпринятую красными в целях удержания населения от выражения сочувствия и оказания помощи белоповстанцам. Как известно, белоповстанцы расплачивались за все забираемое у населения «настоящими» деньгами – иенами и мелким русским серебром. Весть об этом летела вглубь ДВР гораздо быстрее продвижения белых отрядов. Не должно забывать, что в стане красных был денежный голод, продукты и товары можно было достать только у китайцев, а это требовало «настоящих» денег, а между тем денег не было, а потому и не было у населения возможности купить даже самое необходимое. Торговля, а с нею и жизнь замирали все больше и больше на территории ДВР. При подобных обстоятельствах скрыть от населения факт расплаты белыми за все настоящими деньгами было, конечно, невозможно. Одно это могло настроить население местностей, к которым приближались белоповстанцы, благоприятно к ним и создать много неприятностей красным. В минуту тяжелого положения красные не останавливаются ни перед какими мерами. Надо отдать им справедли-

вость в их умении все учесть и принять разумные меры. Вскоре после взятия белыми Хабаровска ими было обнаружено, что красные установили как бы денежную «дымовую завесу». Они стали расплачиваться с жителями прифронтной полосы золотом и серебром, этим самым обезвреживая невыгодный им порядок у их противников. При такой денежной «дымовой завесе» не было резкой разницы в положении населения по ту или иную сторону фронта. Само собой разумеется, что слух о «белых, расплачивающихся настоящими деньгами», далеко не должен был идти, «так как и у красных такой же порядок». Какова ширина, вернее глубина, этой полосы денежной «дымовой завесы», то есть той полосы, где красные расплачивались серебром и золотом, выяснено белыми не было (?). Через несколько лет за хранение валюты жители этих местностей подвергались смертной казни, но во время Хабаровского похода они, вне всякого сомнения, поверили красным и никак не думали, что здесь кроется один лишь маневр. Случаи захвата белоповстанцами у красных серебра и золота или случаи расплаты красных с населением валютой до занятия белыми г. Хабаровска неизвестны. Надо полагать, что мера эта была принята красными в конце декабря или в самых первых числах января, так как уже 5 января чины Добровольческого (Голубого) полка 2-го отряда захватили в Волочаевке два мешка с разменным русским серебром, а полковник Карлов в тот же день в пос. Надеждинском захватил мешок с золотом у комиссара Павловского-Покровского-Смирнова. Останавливает на себе внимание захват серебра добровольцами: это серебро было отобрано, видимо, у какого-либо начхоза или казначея, которые в первую же ночь по занятии Волочаевки, расплачиваясь с жителями валютой, должны были доказать, что «у красных порядки не хуже порядков белоповстанцев». Сколько здесь расчета и энергии в проведении распоряжений верхов!

К каким же выводам приводит рассмотрение общего положения дела борьбы, сложившееся к началу 1922 г.? Кратко их можно охарактеризовать так:

1. Общее положение в России указывало, что борьба противобольшевиков с коммунистами еще не закончена. Результаты НЭПа и других мер, принятых советским правительством для обезоружения врагов, еще не сказались с достаточной ясностью.

2. На Дальнем Востоке для белых сложилась в общем благоприятная обстановка, которую можно было использовать в целях перенесения борьбы дальше на запад.

3. Борьба должна была продолжаться с увеличенной энергией. Должно было изжить раздоры в тылу, укрепить и расширить объединение, ведущее борьбу, поддержать армию, подготовить партизанские действия и восстания в тылу красных.

4. В белом лагере не замечалось объединения, но разлад все усиливался. В тылу белоповстанцев, во всяком случае, не наблюдалось широкой жертвенности. Белоповстанцам грозила опасность остаться одинокими в борьбе со врагом.

II

Борющиеся армии накануне вторжения белых в Амурскую область

Силы сторон. – Вопрос усиления красного фронта. – Вопрос усиления белоповстанческого фронта. – Отправка на фронт гродековцев. – Первые мероприятия генерала Молчанова в Хабаровске. – Обстановка на фронте на 25 декабря. – План красного командования. – Численность различных колонн и отрядов борющихся армий. – Красный бронепоезд под Волочаевкой. – Приказ генерала Молчанова № 0289/оп. – Причины задержки генерала Молчанова в Хабаровске. – Движение белых к Ольгохте. -1-я стрелковая бригада на Ольгохте

Хотя к началу боевых действий на Дальнем Востоке в 1921 г. силы Народно-революционной армии ДВР (Наррев-армии) превосходили живую силу белых войск (войска Временного Приамурского правительства) в два с половиной раза, тем не менее, ввиду разбросанности сил красных на территории глубиной до 3000 верст, белые, державшие свои силы в это время в кулаке в Южном Приморье, перейдя в решительное наступление в ноябре 1921 г., сумели за месяц с небольшим расплыть красные партотряды Приморской области, разбить части Приамурского военного округа ДВР, очистить от противника весь Уссурийский край, захватить г. Хабаровск и приблизиться к границе Амурской области.

В описываемое время Нарревармия могла вывести в поле от 15 000 до 20 000 бойцов с достаточным количеством пулеметов и артиллерии. Кроме того, она имела неограниченный резерв в виде частей Красной армии РСФСР. Силы же белых в то же время исчислялись всего в 6000 чистых бойцов. При полном напряжении своих сил Белая армия (войска Временного Приамурского правительства) могла выставить в поле не более 9000 человек. К тому же у белых пулеметов было совсем немного, а артиллерии они совершенно не имели.

К 20 декабря 1921 г., то есть несколько более, чем по истечении одного месяца борьбы, красные имели на фронте под Хабаровском всего до 4400 штыков и сабель при 7 орудиях против 4100 штыков и сабель при 4 орудиях белоповстанческих сил. Остальные части обеих сторон находились в глубоком тылу и оказать содействие своим частям фронта в ближайшие дни, конечно, не могли. Почему же красные не использовали численное превосходство своей армии? Казалось бы, под Хабаровском, по истечении месяца борьбы, они свободно могли бы иметь силы, превосходящие белых по крайней мере в два раза. Дабы уяснить положение вещей, следует принять во внимание оперативные планы командования Нарревармии того времени: наступательного плана у армии ДВР не было совершенно, так как красным командованием почиталось, что Нарревармия недостаточно сильна для наступления. Красное командование ставило своей армии задачу прикрытия территории молодой республики. Оборонительный план предусматривал развитие ударов вражеских сил по четырем направлениям, из которых два почитались главными и наиболее вероятными, а два других второстепенными, так как не грозили самому существованию ДВР. Главными считались 1) удар вдоль линии КВЖД в направлении на Читу и 2) удар со стороны Маньчжурии и Монголии в направлении на Троицкосавск и Верхнеудинск. Второстепенными считались 1) удар вдоль тракта

Цицикар – Благовещенск и 2) удар вдоль линии Уссурийской железной дороги в направлении на Хабаровск. Теперь становится понятным, почему Хабаровский район не был насыщен частями Нарревармии до начала военных действий.

После того как выяснилось, что белые избрали для своего удара линию Уссурийской железной дороги с выходом на Хабаровск, правительство и командование ДВР, признав необходимым произвести усиление частей группы тов. Серышева, состоявшей из 3 пехотных полков, 1 кавалерийского с артиллерией и 2 бронепоездов, приняло меры по отправке из Забайкалья в Хабаровск частей Забайкальского военного округа, дабы тов. Серышев мог вести успешную борьбу с белыми. Переброска воинских частей из Забайкалья под Хабаровск зимой в полной мере зависит от провозоспособности Амурской железной дороги, между тем расстройство транспорта и крайний недостаток топлива, особенно остро отзывавшийся на эксплуатации Амурской железной дороги, явились теми основными причинами, которые лишили Читы возможности своевременно усилить части тов. Серышева, оборонявшие г. Хабаровск, и создать внушительный кулак для противодействия наступательной операции белых и контрудара по ним.

С первых же чисел декабря красные стали отправлять из Забайкалья на Хабаровск воинские части. Как протекала эта переброска сил – указывается ниже, теперь же, дабы читатель смог бы правильно учитывать обстановку на фронте в дальнейшем и дабы вышеприведенная фраза о «неограниченном резерве Нарревармии в виде частей Красной армии РСФСР» не показалась голословной, нелишне привести следующее показание чинов 5-го полка Нарревармии, взятых в плен белоповстанцами 23–30 декабря, показание, вскрывающее истинные взаимоотношения ДВР и РСФСР. Эти чины показали: «В сентябре 1921 г., будучи командированными из учебной артбригады, они прибыли из Москвы в Читы, где 170 человек из них были разбиты по частям Нарревармии, а остальные 30 человек получили назначение в Хабаровск на пополнение частей Амурской армии. Перед прибытием их в Читы в августе 1921 г. в Читы из Москвы были переброшены две горные батареи (8 орудий) с прислугой, но без конского состава, который ими был получен в Чите. Одна из этих батарей расположилась на Песчанке, другая проследовала на восток». Не говорит ли данное показание за то, что еще задолго до открытия военных действий белыми самостоятельного, независимого ДВР не существовало и так называемое ДВР на деле являлось только одной из провинций РСФСР?

Отправка из Забайкалья на Хабаровский фронт частей Нарревармии протекала следующим образом: 5 и 6 декабря на ст. Чита был погружен в несколько эшелонов и выбыл на восток Особый Амурский полк. 17 декабря, то есть на одиннадцатый день с момента выезда, этот полк прибыл на ст. Покровка, где выгрузился и прошел на фронт в пос. Ново-Троицкий. Пулеметные команды этого полка, шедшие отдельным эшелоном, прибыли на два или три дня позднее.

Вслед за этим полком красные стали перебрасывать на фронт 1-й запасный пехотный полк из г. Верхнеудинска. Один из батальонов этого полка, двинутый со ст. Березовка 5 декабря, прибыл на ст. Покровка 22 декабря, то есть на семнадцатый день пребывания в пути. При своем отъезде этот батальон насчитывал до 500 штыков, но по дороге разбежалось до 200 амурцев и забайкальцев. 3-й батальон этого полка прибыл на ст. Ин только 28 декабря.

6 декабря в Петровский завод прибыл из д. Урлых Троицко-Савский кавалерийский полк для погрузки и отправки на Хабаровский фронт. 14 декабря полк выступил из Петровского завода. Этот полк следовал эшелонами за 3-м батальоном 1-го запасного пехотного полка и к 25 декабря все еще находился на запад от реки Зея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.